

КТО ВОСПОЛЬЗУЕТСЯ ПРОТЕСТОМ ПРОТИВ ЭЛИТ?

Вадим Станиславский

В Соединенных Штатах все чаще заходит разговор о новом социальном феномене — **неопопулизме**. Чаще всего о «неопопулизме» говорят применительно к Латинской Америке, когда хотят сказать, что традиционные для популистов установки на противостояние честных «простых людей» и коррумпированных «элит» в последнее время начинают утрачивать прежние левые и правые маркировки.

Новые популисты легко оперируют как характерными для «левых» социальными и даже социалистическими лозунгами, так и привычными в устах правых политиков обвинениями либерального истеблишмента в отступлении от «национальной традиции» и религиозных норм. Новое движение претендует на то, чтобы возвыситься над противоположностью «левого» и «правого» дискурса. И в период кризиса, когда либеральная администрация изыскивает способы оказания помощи финансовой элите, полагая, что спасение банков — залог спасения экономики в целом, левые и правые популисты невольно тянутся друг к другу уже и в самих Соединенных Штатах. Причем некоторые из них уже охотно принимают это имя.

Одним из первых ученых, кто указал на парадоксальное сходство в современном мире крайне «левой» и крайне «правой» антиэлитарной риторики и сделал вывод о все большем дрейфе «популизма» вправо, был профессор отделения истории Джорджтаунского университета **Майкл Казин**, который в своем известном труде 1995 года «**Популизм как убеждение: американская история**» призвал своих коллег вести историю популизма XX

столетия с пламенного антикоммуниста сенатора Джозефа Маккарти. РЖ обратился к профессору Казину, как и к другим известным американским экспертам, с просьбой оценить, ожидается ли Америке при Обаме разворот в сторону популизма и каким этот популизм может оказаться.

Популизм — то есть обращение к антиэлитистской риторике — в современном мире может иметь множество мотивов. Популизм сегодня — тот ресурс, посредством которого осуществляется любая, в том числе и самая что ни на есть элитарная политика. Весьма яркий пример такого парадоксального популизма демонстрирует нашумевшая статья **Саймона Джонсона** из свежего номера «The Atlantic Monthly», в которой критика парализующей американскую политику финансовой олигархии ведет к признанию не только правильности политики МВФ в отношении развивающихся рынков, но и, вероятно, необходимости расширения объема полномочий национальных финансовых организаций. Ровно тем же приемом может воспользоваться государство при проведении самой радикальной либеральной политики: осуждая помощь банкам как меру, способствующую благосо-

на формально демократические экономические и политические институты. Насколько в начале 2000-х в экспертных кругах была востребована критика популизма, настолько сегодня следует констатировать неизбежность популистской политики и популистской риторики.

Во всем мире эта неизбежность скрыта пока одним обстоятельством: **основным объектом антиэлитной критики пока выступают элиты Соединенных Штатов Америки**. Это позволяет канализировать популистский подъем в сравнительно безопасное для внутренних элит пространство. Между тем, сознание неизбежной спаянности всех национальных элит в глобальном мире рано или поздно вернет «популизм» (с приставкой «нео» или же без нее) как идеологическую тенденцию и в поле национальной публичной политики. Власть до сих пор успешно прибегала к популистской риторике при совершении разного рода поворотов во внутренней политике, и до настоящего времени она не утратила этой способности. Между тем, мы видим, насколько смело и беззастенчиво может использоваться та же самая риторика и силами, враждебными не только россий-

Максимум, на что могут рассчитывать популисты, так это на место губернатора или сенатора, но никак не президента

стоянию погрязшей в коррупции элиты. При этом экономическая критика верхушки общества вполне логично, в духе схемы Казина, дополняется моральной: элиты погрязли в роскоши, оторвались от подлинных ценностей, их процветание бросает тень

ской власти, но и национальной власти как таковой. Иными словами, популизм становится речевым кодом наступающей эпохи, и тот политик, который не воспользуется этим кодом, не имеет шансов в борьбе за власть и влияние. ■